

*Зреет боль скороспелая,
Вяжет руки беда.
По зелёному – белое.
Холода... Холода...*

Галина Колесникова

Женщина смотрела в окно и не верила своим глазам. Представшая картина была фантастической и печальной одновременно. На яркую зелень огорода с неба падали крупные снежные хлопья. Метровые, подвязанные к длинным кольям помидоры на крепких толстеньких ножках, обильно усыпанные плодами, утонули в снегу до середины стебля. Пушистое покрывало уже полностью спрятало грядки, хотя кое-где ещё виднелись торчащие посреди белизны зонтики укропа и согнутые стрелки лука.

Снег валил стеной, словно кто-то взрезал небо, как гигантскую пуховую перину. Но самым удивительным во всём этом творившемся сюрреализме был даже не густой снегопад посреди лета, не лиловый небосвод, сияющий

ровным светом, который будто никогда и не знал светила, а нечто совсем другое... вовсе необъяснимое...

Леся бежала домой на обеденный перерыв. Бежала скорее по привычке, ведь её не ждали приготовленные, как бывало раньше, разносолы, да и никто, честно говоря, не ждал. Бабушка умерла два года назад, как только переехали в «казённую фатеру», к которой так и не успела привыкнуть. Муж Лёша, любимый, единственный, талантливый и необыкновенный... стремительно спивался, и в последнее время находился в неменяемом состоянии. Его жизнь стабильно поделилась на периоды: неделя – запой, потом три-четыре дня тяжкого выхода из запоя с таблетками, стопами, измерением давления, затем

два-три дня краткого вхождения в реальность, что начинала быстро раздражать, и новый виток нарастающего забытья. Если проследить стадии опьянения Лёши, то получалось примерно так:

Стадия № 1. Потеря пульта от телевизора;

Стадия № 2. Потеря аппетита;

Стадия № 3. Потеря ориентации в пространстве;

Стадия № 4. Потеря трусов;

Стадия № 5. Потеря сознания.

Ныне Лёша пребывал в последней, самой безопасной для окружающих – неосознанной стадии: истощённое тельце валялось на продавленном диване, и его можно было легко спутать со старым мятым пледом, если бы не угарные волны, исходящие от этого «предмета интерьера». Раньше Лёша был замечательным иллюстратором детских книг, его обаятельные персонажи сразу полюбились и безошибочно узнавались читателями. К сожалению, хрупкая детская Лёшина душа была безжалостно раздавлена жёсткой постсоветской реальностью: неуклонным повышением коммунальных платежей, налоговыми отчислениями, ненужностью и непониманием творческого человека, работой исключительно на унитаз... а добило его резкое ухудшение зрения.

К жизни Лёшу привязывала только тонкая, еле заметная ниточка – любовь к жене. Даже в самом глухом забытии он, как заклинание, бесконечно повторял, пока ещё слушался язык: «Дурында ты моя волшебная, как же я тебя люблю. Потому что ты у меня одна, у меня больше никого нет, ничего нет...»

Ещё дома безвылазно находил-

ся сын Данька, но тот давно жил в Интернете, свою комнату покидал только по ночам, совершая опустошительные набеги на холодильник. Общение между Данькой и окружающим миром ограничивалось материнскими взываниями к запертой двери: «Даня, открой! Умоляю, открой!», затем сыпались угрозы, дикий стук, мольбы, плач. Дверь не всегда оставалась безмолвной к материнским страданиям, иногда из-за неё слышалось убойное, как автоматная очередь: «Ну, что надо?! Отвалите от меня все!»

Периодически Леся пыталась бороться, она то убирала еду из холодильника, то отключала интернет. Но получалось только хуже, сын начинал беспробудно пить, шляться неделями по неизвестным адресам, где его кормили, поили, а потом приносили и заботливо укладывали на коврик возле входной двери. «Нет уж, пусть лучше дома сидит. Пусть – как есть!» – решила про себя Леся, и Данька окончательно поселился в ином измерении, полном героических сражений, опасных драконов, величественных замков, прекрасных фей, злых и добрых волшебников. Это было, конечно, гораздо интереснее, чем прозябание на курсах вождения, монотонной рутины у станка, разлитого ершистого пива с тупыми сотоварищами, однодневной любви в наркотическом сплине... всё это Данька испробовал сполна. Решив не возвращаться в омерзительную бытовуху, он все свои силы направил на уничтожение виртуального мирового зла.

Да, вот такая невесёлая картина ждала Лесю в родных пенатах: закрытая дверь, за которой бился в

вечных сражениях уже сам наполнив половину мифологический герой – сын Данька, и муж в алкогольном забытии, устилающий собой диванную поверхность.

Ещё с самого утра не давал покоя сон, точнее, состояние, в которое он погрузил, – словно что-то должно вот-вот случиться, что-то очень важное и необыкновенное. Леся даже пробовала анализировать: «Во сне был снег, а снег – это к покойнику... ну, или к перемене погоды. Хорошо бы второе. Да и жара к тому ж замучила! Так, потом там бабушка была... живая... Помянуть, наверное, надо. Раздам конфеты девчонкам на работе, пусть помянут рабу Божью...»

На перекрёстке ста дорог,
Где Ангел строг, а день уныл,
Горит невиданный цветок –
Здесь кто-то сердце обронил.
Людмила Козлова

*Это «вовсе необъяснимое»
посреди заснеженного огорода –
багровое пятно гигантского цветка,
венчающего трёхметровый
стебель. Махровая голова пиона-
переростка едва ли уместилась
бы в большом банном тазу. Бордо-
вые лепестки раскрывались назло
снегопаду, излучая розовое сияние,
которое создавало вокруг цветка
едва заметный ореол.*

*Леся сунула босые ноги в
бабушкины валенки, наспех накин-
нула старую куртку мужа. Выйдя
во двор, она погрузилась в туман-
ную взвесь, наполненную манящим
ароматом, замешанным на смеси
запахов тысячи пионов, ирисов,
ландышей и кукушкиных слёзок.*

Идти по огороду было труд-

*но, Леся, как маленький трактор,
торила себе дорогу в высоких
сугробах. Снег попадал в валенки,
обжигая голые ноги.*

*Она подошла к цветку почти
вплотную и вдруг заметила под
ним алые пятна. По лепесткам
стекали тонкие кровавые струй-
ки. Женщина долго, как заворо-
жённная, созерцала замедленное
падение капель, похожих на при-
хваченные морозом ягоды калины
и разрастающиеся красные кляк-
сы на белом снегу. Она поймала в
ладонь несколько капель:*

– Кровь! Настоящая кровь...

«Да помню, нынче во сне виде-
ла старенький бабушкин домишко,
огород... и там же ещё кровь
была... яркие красные капли на
белом... а кровь вроде как к род-
не снится... может, кто из деревни
нагрянет? Не хотелось бы... лучше
бы они вообще все забыли о моём
существовании», – в томительных
предчувствиях Леся в душном рас-
калённом автобусе подъезжала к
своей остановке. Двери открылись,
но в салоне не стало свежее, на ули-
це стояло полуденное марево, кое
бывает только в середине лета.

На автомате привычно направ-
ляясь к переходу, Леся наткнулась
на нечто непотребное – на асфаль-
те лицом вниз лежал человек –
мужчина в тёмной одежде. Без-
жалостное солнце било острыми
огненными копьями прямо в его
беззащитную, обритую наголо
макушку. Незнакомец рискованно
притулился на самом краю обо-
чины, неестественно уткнувшись
лбом в пыльный бордюр. Самое
страшное, что его рука откинулась
на проезжую часть, а ведь бук-
вально в нескольких сантиметрах

мчались автомобили. Бездушные многотонные железяки запросто могли проехать по руке и даже не заметить!

В той же степени безмятежности совсем рядом на остановке стояли люди, глазели по сторонам, беседовали... все они старались не смотреть в сторону лежащего, а если утыкались взглядом, то быстро отводили глаза. Никто не хотел замечать чужую беду.

Леся, повинувшись общему настрою, тоже хотела изобразить безразличие и быстро перебежать дорогу, но вид беспомощной бледной руки, откинутой на опасную дорогу, разбередил совесть. Женщина подкралась к незнакомцу и осторожно потрепала его за рукав. Лежащий не подавал признаков жизни. Тогда Леся нагнулась к нему ближе, пытаясь рассмотреть лицо, и тут же в ужасе отпрянула: кожа отливала синеватым безжизненным оттенком, а уткнувшийся в дорогу нос не разгонял пылинки дыханием. Не зная, как обратиться к людям на остановке (господа – да какие уж тут господа... товарищи – устаревшая форма, друзья – глупо, а граждане – ещё глупее...), Леся просто растерянно лепетала: «Вон тот человек, он, кажется, умирает! У меня телефон сел. Пожалуйста, позвоните в «скорую помощь»...»

Две девицы-студентки сказали, что у них кончились деньги на телефоне и, отвернувшись, стали переглядываться, нервозно хихикать, пожимая плечами. Старушка в дурацкой замусоленной шляпе, предположила: «Да оне нажруцца с утра пораньше, а ты тут со штанов выпрыгивай за-ради хануриков всяких!» Суровый похмельный тип с вызовом посоветовал: «Те чё,

больше всех надо?! Дык, сама-то и подсуетись». От дальнейшего продолжения неприятной беседы всех спас подошедший автобус, а Леся осталась наедине с беднягой, лежащим лицом вниз.

– Так, ладно, надо бежать. Из дома позвоню в «скорую», вдруг можно ещё спасти! – Леся рванула через дорогу сломя голову...

Дома всё было как обычно: дверь в комнату сына заперта, лишь буханье на низких частотах сотрясало чёртову деревянную преграду, словно навсегда отделившую Даньку от внешнего мира. Муж Лёша скрючился в позе эмбриона рядом со скомканным пледом и тоже будто застыл навеки в беспамятстве и безвременье... о том, что «зародыш» всё-таки жив, свидетельствовали «аромат» застоявшегося перегара и слабо пробивающийся нежный храп абсолютно счастливого человека.

Скинув на ходу туфли, даже не взглянув в сторону супруга, женщина схватила телефон, судорожно вспоминая, какой же теперь номер у неотложки: «Черт, чёрт, чёрт! И спросить даже не у кого!» Едва заполучив номер в справочной, стала судорожно набирать спасительные цифры. Её бил озноб. Она стояла у окна, из которого отлично просматривалась дорога, остановка и распластанный силуэт на асфальте. Благо квартира была на втором этаже и всеми окнами выходила на центральную магистраль.

После бесконечных гудков и переключений на том конце провода наконец-то ответили. Томный женский голос протянул такое зловеще-убийственное «Алло...», что сразу стало яснее ясного, что

никто не побежит, задрав штаны, никого спасать. И как вам этакое только в голову могло взбрести – занятых людей по таким пустякам зазря беспокоить (?), и вообще, не мешайте спать! Сбивчивый лепет о том, что на дороге лежит человек без сознания, не известно, жив он или мёртв, и что его, может быть, ещё можно спасти, не произвёл на служительницу Гиппократу ни малейшего впечатления, а вместо сочувствия вогнал в состояние крайнего раздражения:

– Что вы там орёте? Говорите спокойно и членораздельно. Фамилия-имя-отчество больного? Полных лет? Адрес по прописке? Медицинский полис на руках?

– Да какой полис? Я же говорю вам, что человек на улице лежит, умирает! А, может и умер уже!

– И что? Ну, вот приедет сейчас бригада, а он встал и ушёл! Кто будет платить за ложный вызов? Вы?!

– Да какой там встал и ушёл! Вот я на него из окна смотрю – он лежит не шевелится!

– Вам что, больше всех надо? Ну, лежит себе и пусть лежит. Вы ему кто? Жена, сестра, теща?! Чево вы названиваете-то целыми днями?! Сумасшедшая, что ли?!

После сердитого выговора «сестра милосердия» в бешенстве бросила трубку. Леся захлебнулась обидой, словно её отхлестали по лицу грязной половой тряпкой. Она застыла ошеломлённая, чувствуя, что как-будто в солнечном сплетении разрастается ледяная корка и весь организм индевет изнутри. От этого резкого похолодания скукожилась и заныла душа. Как зомби из ужастиков, не осознавая, что она делает, Леся снова набрала недружелюбный номер и,

не дожидаясь расспросов о полисе обязательного медицинского страхования, заорала в трубку первой:

– Я сейчас позвоню в администрацию города и скажу, что у вас трупы на улице валяются! И что вы прекрасно об этом знали и никаких мер не предприняли! Понятно?!

– Понятно, – сказал твёрдый спокойный голос совершенно не похожий на тот первый – осатанело-стервозный. – Уточните, пожалуйста, на какой именно улице у нас валяются трупы?

Хотя на всякий случай с Леси взяли номер мобильного телефона, деловой уравновешенный настрой диспетчера возымел действие на её раненую психику, она немного успокоилась, а иней внутри стал постепенно оттаивать. Зато активизировалась тушка на диване, запоздало реагируя на шум.

– Ну, начинается вечерний день! – прохрипел Лёша излюбленную парадоксальную фразу, которую мог придумать только перманентно пьяный человек. – Ты б лучше спела мне песню... про ишилось! Пожалста, спой про ишилось! Ну, спой, а?..

– Чего ты там буровишь? Что ещё за «ишилось» такая?

– Ну как? Зефирка, ты ж всё любила раньше петь: «И шилось платье бе-елое...»

– Отстань! Не до тебя сейчас! – раздражённо рывкнула «зефирка», на что Лёша разразился дразнилкой собственного сочинения:

– Ой, ой, ой! Я злой и страшный серый кот, у поросят я знаю вход, рrrr... – к счастью щекочущее нежное «рrrrr» тихо угасло, перевернувшись на другой бок, Лёша тут же снова уснул, не дожидаясь

песни про «ишилось». В противном (во всех смыслах противном) случае не обошлось бы без долгих ворчанний. Например, на изнуряющую жару, на соседского ребенка, что топает, как слон, ни свет ни заря, на работяг со стройки, что с утра включают отбойный молоток, на депутатов отожравших ряхи за казённый счёт... да на весь мир, что оказался неприветливым, подлым и беспощадным.

Обед у Леся длился всего час, но ей, пользуясь попустительством начальства, удавалось растянуть перерыв на полтора. Теперь Леся приходила домой просто по инерции, сухие бутерброды с сыром можно было бы брать с собой и сжевать в офисе, как другие коллеги. Но она каждый день бежала домой, будто её, как раньше, ждал любовно приготовленный мужем супчик. Раньше бывало, и салатик настрогоает, и сервирует, словно в ресторане, ждёт. Теперь Леся приходила с тайной надеждой, что всё наладится, будет как прежде, когда вся семья собиралась за столом, когда жива ещё была бабушка, и Данька разговаривал на понятном языке, а не на своём птичьем – компьютерном. А то вместо: «Здравствуй, мама!» – «Хай, ламер нипенгованый!» И как это понимать?..

Однажды Леся случайно услышала диалог сына с товарищем и пришла в замешательство:

– Надысь десять ка на карточку вывел, терь на тэ пэ – бурная реакция. Прикидай, средняя медиана растет прям на глазах! Вкуриваешь ог not?

– Great, baby! На чём отфармил?

– Дык на дефолтных фулльных декорах...

Женщина в недоумении осознала, что она, действительно, – ламер, и не понимает сказанного, будто разговаривают то ли иностранцы, то ли наркоторговцы, то ли засекреченные физики-ядерщики. Да и все члены их маленькой семьи жили теперь своей обособленной отдельной жизнью, три совершенно чужих человека на одной жилплощади.

Сжатая внутри пружина немного ослабила свой напор, но до конца не отпускала. Леся металась между кухней и окном. Поедая остатки подсохшего пирога и обжигаясь горячим чаем, она устроила на подоконнике обеденно-наблюдательный пункт. Каждую минуту женщина вскидывала театральный бинокль и наводила на распластанный на дороге тёмный силуэт.

За долгие месяцы безвременья, когда ушла из жизни любимая бабушка, стал безбожно запоями пить муж, сын заперся в застенки ино-мира, Леся обратилась к Богу и начала ходить в храм. Больше не у кого было просить защиты и некому рассказать о постигших её несчастьях. Теперь на полках шкафа обильно мерцали позолотой иконы, а на самом видном месте в комнате – на столе – стояли полторашки со «святой» водой. Машинально Леся открыла одну из бутылок, плеснула себе в кружку, чтобы остудить питьё, и тут же полила свой любимый цветок.

Цветок был замечательный, обильно цвёл огромными пурпурными колокольчиками круглый год: в самую лютую январскую стужу и даже в такой нестерпимый зной, как сегодня.

Меж тем к потерпевшему подь-

ехала машина с красным крестом. Время шло, перерыв подходил к концу, подзарядился уже и Лесин мобильник, и она сама доела последнюю печенку, а люди в белых халатах в недоумении топтались у лежащего на обочине. Наконец, на подмогу к группе спасателей подъехал серый закрытый микроавтобус без пассажирских окон. Леся глядела во все глаза, как более расторопные санитары из второй машины ловко упаковали несчастного в чёрный мешок и на массивных носилках задвинули в чрево серого катафалка.

«Значит, он всё-таки умер! Так буднично и как-то между делом, и ничего существенно не изменилось в мире. Просто умер человек, и убрали его с дороги, будто мешок с мусором, чтобы не мешал проезду. Не разверзлось небо. Не вылетела изо рта почившего стая небесных мотыльков. Не пришла костлявая старуха с косой в чёрном балахоне. Не спустился с небес сияющий златокудрый ангел. Просто два мужика затолкали носилки с грузом в кузов. Вот и всё».

Лесе вдруг захотелось плакать, хотя, может, вовсе не омерзительная в своей натуралистичности кончина неизвестного прохожего стала причиной. Опустив голову, она хотела было дать волю слезам, как вдруг увидела, как на любимом растении разрастаются ржавые пятна-болячки. Неопознанная хвороба на глазах губила нежные бархатистые лепестки, тёмно-зелёные листья. Женщина низко склонилась к цветку, пригляделась...

С огромным изумлением она наблюдала чудовищную метаморфозу: капля воды, попавшая на листок, вдруг подобно ядовитой

кислоте прожигала насквозь нежную цветочную мякоть.

– Что это? Постоянно поливала – никогда такого не было. А может, это оттого что я его сейчас не простой водой полила, а СВЯТОЙ?!

Как не прискорбно было осознать, но Леся понимала, что с потерей цветка ей придётся смириться, так как ядовитая ржавь уничтожала растение с удивительной быстротой. Тяжко вздохнув, Леся решила на эксперимент: раз уж никого сегодня уже больше не спасти... Она целенаправленно вылила на цветок порцию освящённой воды и стала следить за реакцией. Эксперимент подтвердил страшную гипотезу: влага выжгла растение дотла за полминуты.

Тёмен теперь этот дом по ночам. Кошка приходит и светит глазами. Угол мерцает во тьме образами. Ветер шумит по печам.

Иван Бунин

Через мгновение на пушистом белоснежном покрывале Леся обнаружила то, что поразило её не меньше, чем кровь, сочащаяся из растения. Это были следы огромной кошки. Судя по размеру, и не кошки вовсе, а как минимум саблезубого тигра из голливудского фильма:

– Дааа... если у них тут та-акие цветочки, то какие должны быть кошечки?..

У кого собственно «у них» в этот момент Лесю мало заботило, внутри нарастало тревожное чувство, пробивал лёгкий озноб. Судя по тому, как стремительно текущий с неба снежный поток укрывал всё вокруг – гигантская киса пробегала здесь только что...

Следы тянулись вдоль дома под самыми окнами, шли по крышке погребца, затем прерывались и продолжались уже сверху – по навесу дровяника, видимо, нечто из семейства кошачьих без труда с земли запрыгнуло на сарай:

– Тут метра два с половиной будет... не меньше, – с удивлением отметила про себя Леся.

В ту же минуту она на растревоженном подсознательном уровне вдруг ясно почувствовала опасность, причем не просто повседневно-бытовую, как упасть, простудиться или получить нагоняй от начальства... а опасность смертельную. На чутье, доставшемся от первобытных предков, женщина повернулась именно в ту сторону, откуда грозила неотвратимая беда. За дощатым забором, с подветренной стороны к ней крался могучий зверь...

Это была гигантская пума, состоящая из одних мышц, размером превосходившая самого крупного льва, которого только можно было представить. Несмотря на то, что её шерсть засыпала снежные хлопья, Леся успела отметить необыкновенный фиалковый отлив шкуры.

Пума поняла, что обнаружила себя и теперь напасть на жертву неожиданно не удастся, но всё же припала всем телом к земле, словно пытаясь спрятаться от взгляда. Бугрившиеся холмики мышц не оставляли сомнений – охотница готовилась к атаке. Вот сейчас она одним рывком перемахнёт ветхий заборишко и в два прыжка достигнет обомлевшую растрёпу. И будет горячий живой сок, хруст тонких костей, трепещущая в клыках вкуснятина...

Времени на любование серьёзной фиалковой кисой не оставалось, и Леся, не помня себя, кинулась в дом. Она бежала, не чувствуя ног, каждый миг ожидая смертельного удара когтистой лапы между лопаток.

Широко открытыми остановившимися глазами узника, чудом избежавшего казни, Леся смотрела на запертый засов, ещё не веря в спасение. С улицы, сдирая обивку, по двери проскрежетали, оставляя глубокие борозды, когти-кинжалы.

– И что теперь дальше делать?!
Одного удара такой лапищи хватит, чтобы вынести не только стекло, но оконную раму, – судорожно мелькали в голове обрывки страшных предположений.

В квадратных окошечках промелькнул сиреневатый хвост.

– Да я ж тут как на ладони!

Действительно, хрупкое стекло и ветхие тонкие стены бабушкиной «терраски» не остановят беспощадную машину смерти, если она почуяла близкую добычу. Понимая это, Леся, стараясь двигаться как можно тише, пятилась спиной к двери в жилые комнаты.

«А ведь цветок-то мне Раиса подарила. Да! На Восьмое марта. В красивом керамическом горшочке, а на нём ещё бирка была с названием «Глоксиния прекрасная». Вот те, говорит, на добрую память!» – у Леси не укладывалось в голове, что цветок, подаренный начальницей к празднику, может нести какую-то угрозу, ведь он был такой красивый, усыпанный яркими пурпурными колокольчиками. Но постепенно в голове формиро-

валось убеждение, да и все события складывались один к одному. Главное то, что цветок появился в доме больше двух лет назад, и с этих же пор начались в семье беды: заболела и умерла бабушка, муж стал уходить в беспробудные запои, сын совершенно отстранился от мира, друзей и даже от неё.

Раиса Борисовна работала главным бухгалтером, но по сути именно она возглавляла областной музыкальный театр, а не мягкотелый (во всех смыслах) директор. По указке Раисы Борисовны в труппу принимали не только работников сцены, но и новых актёров. По её высокому соизволению назначались надбавки к зарплате любимчикам и нещадно штрафовались провинившиеся. Неожиданно могли отстранить от гастролей неугодного её милости. Весь коллектив прекрасно знал об этом и боялся серой кардинальши.

Леся трудилась бухгалтером-кассиром под непосредственным началом Раисы Борисовны. Если челядь встреч с местной царицей избегала, то Лесе приходилось работать с ней нос к носу целыми днями. Может поэтому, она смогла разглядеть в строгой начальнице массу положительных черт.

Во-первых, начальственная дама хоть и была гренадёрского роста да мужиковата на вид, но имела слабость к рукоделию и милым пустякам, создающим уют в доме. Стоит лишь всплеснуть руками, выражая восторг при виде новой связанной крючком кофты (по размеру и фасону больше схожей с рыболовецким тралом), как тут же тебе и одобрительная улыбка, и с работы пораньше, и отпуск вперёд положенного.

Во-вторых, главбухша имела слабость к маленьким зверушкам, особенно к породистым котикам. Бывало, наткнётся Леся в интернете на умильную кошачью мордочку, тут же зовёт Раису Борисовну. Настроение у той при виде пушистиков всегда улучшалось, а там и разговоры на полдня о возлюбленном питомце начальницы – сиамце Тимошке, и совместные чаепития, и другие разные привилегии.

В-третьих, неизбывная страсть Раисы Борисовны к цветоводству. Подоконники в театре были превращены хозяйкой в мини-оранжереи: фиалки разных сортов и расцветок, смешные кактусята в крошечных горшочках, путы лиан в подвесных кашпо, пальмы в огромных кадках. От этих-то щедрот и была подарена Лесе прекрасная пурпурная глоксиния. Нет, для взращивания столь обильного сада у главного бухгалтера времени, конечно, не находилось. Зато хватало энергии и задора систематически вздрючивать уборщиц, завхоза, вахтёров, заставляя поливать, пересаживать, перетаскивать и всячески улаживать зимний сад.

К тому же Раиса была бережлива и страстно экономила бюджетные средства. Например, бумага и мыло в театральных туалетах появлялись только на время проведения ответственных краевых мероприятий, когда на совещание съезжалось всё большое и маленькое начальство.

Кроме того, по личному распоряжению мадам, в служебных помещениях, а точнее в отхожих местах для персонала, были установлены специальные датчики, которые включали свет только при

появлении посетителя. Но, похоже, что устройства были запрограммированы на усиленную экономию, поэтому реагировали не на каждое шевеление, а лишь на прыжки в дальнем углу с активными махами рук. Получалось одновременно не только банальное включение света, а ещё и производственная гимнастика.

Однако на этом сюрпризы не заканчивались, как только посетитель увлекался процессом испражнения наедине с унитазом, коварные датчики неожиданно гасили свет, оставляя несчастного в крошечной тьме. Поэтому оправляться, двигаться к выходу и судорожно обшаривать дверь в поисках ручки приходилось на ощупь, что, несомненно, закаляло ранимый актёрский характер и готовило к трудностям непредсказуемой жизни.

Но больше всего на свете любила Раиса Борисовна жалеть людей, особенно Лесю и особенно до слёз. Сведения о болезни бабушки, пьянстве мужа, плохом поведении сына ей приходилось вытаскивать из неразговорчивой подчинённой чуть ли не клещами. Зато потом эти сказания передавались театральными поколениями из уст в уста, превращаясь в эпос.

Лесе было больно и обидно за то, что с подачи доверенного лица о ней судачит вся труппа. Но противоречить домоправительнице было весьма чревато - можно навсегда лишиться звания фаворитки и горько поплатиться за строптивость. «Эх, с волками жить, по-волчьи выть», – успокаивала себя Леся. – Больше никогда ей ничего не расскажу!» Но в очередной раз за чаем, размягчившись и доверившись матроне, растяпа

снова теряла бдительность и опрометчиво дарила повод для свежих сплетен. В конце концов Леся убедилась, что её эксцентричная начальница – неизбежное зло, как погодный катаклизм (ливень, пурга или гололёд), который нельзя предотвратить, а можно только перетерпеть. И она терпела ради заработка, ради семьи, ради выживания...

Иной раз даже ангельское Лесино терпение лопалось. Бывало это в конце каждого квартала и особенно в декабре, когда готовились отчёты, как всегда, в авральном режиме, в нервах, в невозможности спокойно свести «дебет с кредитом». Тогда виноватым во всех бедах объявлялся кто-нибудь из коллектива театра, чаще всего ненавидимый Раисой худрук, не поддающийся её авторитету и сногшибательному обаянию.

В такие мятежные периоды Леся была особенно исполнительна и тиха, она оставалась после работы «подчищать хвосты», боясь необузданного всеразрушающего нрава Раисы Борисовны. Бедная узница бухучёта не раз просчитывала возможные варианты побега: «В конце концов в кукольный можно устроиться. Девчонки давно зовут. Да хоть в продуктовый на кассу, лишь бы подальше от этого чудовища. Задавила совсем!» Однако тяжёлый период завершался, отчёты рано или поздно сдавались, змей Горыныч гасил жгучее пламя, и всё снова текло своим чередом.

В коллективе Лесю-кассира воспринимали как некое продолжение тела главбуха, по странной причине гуляющего отдельно от своей хозяйки. За глаза бедолагу

жалели, но предпочитали не связываться, ведь неизвестно, чего можно ожидать от самой близкой к гранд-даме фрейлины. Ежели, сидя столько лет в одном кабинете, жуткая змеища не проглотила кролика, значит, тот и сам ядовит. В связи с такой пугающей репутацией коллеги с Лесей держались подчеркнуто вежливо. Дистанцию никто не сокращал, боясь сближения, поэтому уже много лет единственным «другом по работе» оставалась для Леси её руководительница.

«И как она сделала это с цветком?! Хотя чего удивляться. Все наши с первого взгляда определяют Раису – ведьма ведьмой! Даже нос крючком и в рюмку смотрит. Одна я ей задницу подлизывала столько лет, самодурство терпела! – и всё же некоторый отзвук сомнения теплился в глубине Лесиной души: – Да глупости всё это. Не может быть, не бывает никаких порч, присух, сглазов. Выдумки». Однако самоуничтожение цветка свершилось на её собственных глазах. А против факта, как говорится, не попрёшь.

«Неужели она могла мне порчу подсунуть? И главное, зачем? Чего я ей такого сделала? Чтоб таким способом меня со свету сживать? Кто ещё-то, кроме меня, с такой стервой сработается, будет, не поднимая головы, по сто раз пересчитывать, все косяки прикрывать, батрачить на неё за гроши? За что такая чёрная неблагодарность?!» – сокрушалась Леся, возвращаясь в театр.

По дороге она выкинула истлевший цветок с моста в быструю загаженную городскую речушку. Виновато булькнув, горшок

поспешно скрылся на дне. С этим тихим «бульк» словно упал с души тяжкий скользкий булыжник, что давил и не давал жить. И показалось: воздух стал чище, и даже ноги понесли легче на ненавистную работу.

«Нет, ну какова всё-таки Раиса! Понятно теперь, почему она так въедливо каждый раз выпрашивала, как там мой цветочек любимый? Не зачах ли? Хорошо ли поливаешь? – вопросы, стуча тревожными молоточками в виски, не оставляли Лесю: – За что? Почему?!»

«Чёрная зависть», – словно с неба грянул простой и резкий ответ на Лесин вопрос. «Чёрная зависть», – гласила огромная афиша, что висела на подходе к театру уже второй месяц. Именно так решили назвать авторы эксцентричный мюзикл о двух друзьях, которых рассорили деньги и неожиданный успех одного из них.

«Чему завидовать-то? Что у меня такого есть, чему обзавидоваться можно?! Зарплата у Раисы в разы больше, чем моя... платья, наряды, две шубы: норковая и соболья, на автомобиле импортном ездит, сама себе хозяйка, что хочет, то и делает! А я? Да ничего у меня путного нету, только мужалкаш да проблемный ребёнок, который неделями со мной не разговаривает... Точно! Раиса уже с которым мужиком разбежалась, а детей у неё вовсе нет: ни проблемных, ни беспроблемных, никаких. Да и слава Богу, такую мамашу-дракона никому не пожелаешь. Хотя грех так говорить, беда это для женщины пустоцветом-то жизнь прожить, наказание Господне! Но Раиса всегда говорила, мол,

детки сейчас все атомные, и ей ещё очень повезло, что никакого уroda не надо нянчить. Значит, бравада всё это. Завидовала. Да так завидовала, что аж всю семью извести хотела!» Но злости, соответствующей страшной догадке, не было, наоборот, Леся отчего-то вспомнила выпирающие мосластые Раисины коленки, не по возрасту короткие юбки, глубокие морщины на лбу, и ей стало жаль начальницу, обделённую в жизни чем-то самым главным, может, семьёй, а может, и самой способностью любить.

Леся словно новым взглядом посмотрела на себя и своих мальчиков, оказывается они – завидные парни! Удивительное рядом! А что, и действительно: Лёша – талантливый и всё-таки, несмотря ни на что, красивый, ласковый, большой только. А Данька! Да к нему все соседи за помощью ходят по компьютерным проблемам. Даже когда самые крутые спецы не могут разобраться, все знают – Данька поможет.

Женщина вдруг почувствовала растущий внутри комок из жалости, нежности, любви и ещё каких-то самых щемящих чувств. Словно услышав беззвучный призыв, позвонил Лёша. Забыв, что успела дома подзарядить мобильник, она вздрогнула от неожиданности и чуть не уронила телефон:

– Лесь, тебе что на ужин приготовить?

– Боже, ты как это оклемался-то? Сейчас, наверное, дождь пойдёт... с камнями!

– Да каматозит маленько, но почти прозрел. Слышь, Зефирка, а тут вообще дела-то всё чудесатее

и чудесатее, Данька из своей берлоги выполз!

– Ну, вообще! Даже слов нет!

– Ага. Помнишь, ты спрашивала, где все наши кружки. Дык они у него в комнате были. Сейчас за раз штук десять в раковину составил и моет их, представляешь?

– С трудом, если честно. С порошком хоть моет-то или так?

– Погодь, гляну, – после непродолжительной паузы Лёша радостно возвестил, – с мылом!..

Несколько минут Леся медитировала на телефон, который принёс ей такие удивительные новости. Затем решительно повернула назад и пошла в противоположную сторону, к кукольному театру.

Вот и жизнь пролетела,
промчалась,

иль как там ещё?..

И опять не открылось

ни смысла её, ни значенья.

И кому предъявить

этот давний, мучительный счёт?

...Я хочу перемен.

Я попробую

против

теченья.

Наталья Николенко

В доме Лесю ждал сюрприз, оказывается, вся семья была в сборе: сын (почему-то пятилетний, хотя сейчас он уже совсем взрослый парень), муж Лёша и бабушка, которая давно умерла, но сегодня была жива и здорова.

– Как их предупредить?! Объяснить, насколько велика опасность? Как уберечь от зверя?!

Леся напустила на себя уверенный вид, хотя её всю уже трепала нервная лихорадка и смена

состояний «то в жар, то в холод», казалось, достигла апогея:

– Так, быстро все в маленькую комнату! – скомандовала тоном, не терпящим возражений. – Без вопросов, быстро! Сейчас сами всё увидите.

На удивление, её сразу услышали. Без лишнего ахов-охов засеменяла глуховатая бабуля. Похмельный, по своему обыкновению, супруг, и даже раздираемый лукавым духом противоречия сынишка собрались в маленькой комнате. Леся решительно воткнула в дверную ручку бабушкину «парадную» палочку, с которой она выходила «гулять на лавку». На застывший немой вопрос в глазах домочадцев ответила коротким кивком в сторону окна...

Пума, чуя перемещение жертв, уже была рядом, она находилась на поленнице у забора и внимательно вглядывалась в оконную муть. Мышцы огромной кошки бугрились и были напряжены, казалось, в любую секунду она прыгнет на добычу, сметая препятствия.

– Мам, эт кто?! Это Багира, што ли?! – звонко заверещал сынишка, указывая на рельефный силуэт в окне.

– Тсс!.. Замолчи, – со свистящим шёпотом накинута на ребёнка Леся и прижала его лицо к себе так порывисто и грозно, что мальчик, уловив особую тревожность матери, испуганно смолк и сжался.

Пума тем временем угадала невидимое шевеление за стенами и пошла в атаку. Она величественно и мягко, как могут делать только кошки, спружинила с дровяника

вниз и неторопливо направилась прямо на них.

Сначала Леся хотела обнять родных, спрятать... но в крохотной бабушкиной «келье» спрятаться было негде, если только по-детски залезть под одеяло, но эта наивная хрупкая защита конечно, не спасёт от свирепого хищника. В отчаянии Леся решила идти на бой. Она быстро оглянулась на «группу поддержки». Перепуганная старенькая бабушка в отплевываемой платочке в ожидании смотрела на внучку васильковыми растерянными глазами (после инсульта совсем беспомощная). Лёша, обмякший, квёлый, повесил руки, как плети (когда-то они были нежными и умелыми), а сейчас раздавленный своим бессилием и оттого безразличный ко всему, он, кажется, и не понимал всего происходящего. Но жальче всех было маленького Даньку, из всей перечисленной компании он, как ни странно, был самым адекватным и ясно осознавал опасность. Мальчик спрятался за большой подушкой на бабушкиной кровати и в ужасе безотрывно следил за приближением монстра.

Леся выпрямилась и, постояв немного, двинулась навстречу противнику. Женщина и пума приблизились друг к другу. Они стояли по разные стороны стекла, и эта прозрачная преграда словно растворилась и не существовала больше. Леся поняла, что от зверя, как от неотвратимой беды, написанной на судьбе, бесполезно убежать – она всегда найдёт.

Безысходность, тревога за родных, слабых и беззащитных, мгновенно переродились в душе женщины в отвагу, граничащую с

безумием. Леся решила идти до конца, насмерть. Она уже не принадлежала себе, не чувствовала страха, только желание рвать врага.

– Сейчас вцеплюсь зубами в этот мокрый фиолетовый нос, в эти трепещущие ноздри, буду сжимать зубы до тех пор, пока не откушу кусок. А руками вцеплюсь в её глаза, пусть грызёт меня. Пока не умру, буду выдавливать... выдавливать... а от слепой кошки, может, даже мои цыплята сумеют убежать.

Женщина подняла взгляд и впилась в карие монгольские очи соперницы. От слёзных мешочков вниз по краям носа пумы шли чёрные полосы, похожие на подтёки, словно проторённые бесконечными слезами. Из-за этого морда приобретала скорбный вид.

Зверюга рассматривала человеческое лицо, будто припоминая. Поняв своим животным чутьём - эта схватка станет для них последней, пума почувствовала нечто родственное к бледной дву-

ногой самке. Лесю потрясывало от напряжения.

Она до боли сжимала кулаки. Но не делала движений первой. Ждала.

Кошка оцетинила жёсткие усы, побила воздух мощной лапой, словно хотела поиграть с Лесиной головой, как с клубком... да потеряла интерес к пустой забаве. Пума ещё постояла у окна, нервно оглядываясь, будто её ждали более важные, неотложные дела. Затем смачно лизнула стекло горячим бордовым языком, оставив на память мокрый дымящийся мазок.

Данька подбежал и крепко обнял маму, тихонько подтянулись и Лёша с бабушкой. Они смотрели на удаляющуюся сквозь снежную пелену грациозную пуму небывалого фиалкового оттенка, и постепенно, словно срастаясь, наполнялись чувством родства, ведь не было никого на свете ближе, чем они, за кого и жизнь можно отдать, не задумываясь.